Как можно оценить результаты двухдневных обсуждений? Помимо очень важного обмена информацией, нового опыта профессиональных контактов и диалога, в нашем распоряжении объемистая рукопись из почти двух десятков докладов-статей, готовых к печати. Все они написаны на основе оригинальных источников, включая документы национальных движений и личные впечатления авторов, многие из которых сами являются участниками таких движений. Этот опыт исключительно ценен; еще ценнее было бы собрать его под одной обложкой. Всем известно, сколь динамична сейчас общественно-политическая ситуация в стране, особенно в сфере межнациональных отношений. Поэтому выход подобной книги стал бы заметным шагом в нашем понимании национальной ситуации, отражая уровень профессиональной компетентности этнографов и социологов к лету 1989 г.

Мы должны спешить, потому что время и обстановка меняются слишком быстро. Трагические летние события в Ферганской долине и в Абхазии уже отменили предлагавшиеся на сессии планы национально-политического решения судьбы турок-месхетинцев, федеративного устройства Абхазской АССР. Мы должны спешить, потому что невыслушанное мнение ученых, не использованные вовремя рекомендации — это еще один упущенный шанс избежать бессмысленных конфронтаций и новых трагедий.

И. И. Крупник

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ «СОВЕТСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА» В ПАРИЖЕ

Коллоквиум состоялся в Париже 16—18 марта 1989 г. Его организатором был Центр изучения СССР, Восточной Европы и тюркских регионов Высшей школы общественных наук Франции при содействии Национального центра социологических исследований. В коллоквиуме помимо французских и советских ученых приняли участие видные специалисты из Великобритании, США, Канады, ЮАР, Израиля, Турции.

Открыл коллоквиум президент Высшей школы общественных наук М. Оже. В течение трех дней заседаний было заслушано 32 доклада, которые тематически группировались следующим образом: 1. **История науки** — М. Ферро (Франция) «От единства наук о человеке и обществе к их дифференциации»; В. Берелович (Франция) «К истокам русской этнографии: географическое общество 40—50-х годов XIX в.»; Э. Вярв (СССР) «Комплектование музейных коллекций при помощи корреспондентов»; И. Сорлен (Франция) «К истокам исторической типологии фольклора: Марр, институт генетической лингвистики и молодой Пропп»; К. В. Чистов (СССР) «Изучение традиционного общества русских в советской этнографии». 2. **Концептуальный аппарат** — Ю. В. Бромлей и А. И. Першиц (СССР) «Спонтанное и стимулированное развитие традиционных обществ в свете теории общественно-экономических формаций»; Э. Геллнер (Великобритания) «Западные и марксистские точки зрения на типологию общества»; Ю. И. Семенов (СССР) «Основные типы традиционных обществ и особенности их развития»; Т. Драгадзе (Великобритания) «Перспективы понимания этничности»; В. И. Плоткин (США) «Дуальное мышление, тотализирующая идеология и советская этнография»; Б. П. Шишло (Франция) «Советская антропология в период перестройки»; В. Р. Кабо (СССР) «К истории изучения социальной структуры традиционных обществ в советской этнографии». 3. **Практика антропологии и роль этнолога** — Ж. Кюизанье (Франция) «Генезис этнических различий: от понятия к эмпирическим данным»; П. Скальник (ЮАР) «Роль теории этноса в советской этнографии и в советской политике в „национальном вопросе“»; А. М. Хазанов (Израиль) «Этническая ситуация в Советском Союзе: как она отражается в советской антропологии»; Ф. Лонге-Маркс (Франция) «Этнографическая практика в СССР и функции этнографа на примере Дагестана»; Н. Н. Садомская (США) «Новые обряды и советская антропология». 4. **Региональные исследования.** *А. Север и Сибирь* — В. И. Васильев (СССР) «Традиционные общества Северо-Западной Сибири в советской антропологии (этнографии)»; И. И. Крупник (СССР) «Малые народы северо-востока СССР: проблемы этнокультурной модернизации»; П. Витебский (Великобритания) «Современное положение эвенков в Северной Якутии»; Ж. Карро (Франция) «Нация и универсальность: якуты сегодня»; Л. С. Блэк (США) «Советский вклад в этнографию Аляски». *Б. Центральная Азия, Кавказ и Украина* — Г. Е. Марков (СССР) «Традиционные общества Средней Азии»; Ш. Лемерсье-Келькеже (Франция) «Этнолингвистическая проблема и советская политика в Дагестане»; Н. Дадвик (США) «Случай с кавказскими албанцами: этническая история и этническая политика»; Ф. Мамедова (СССР) «Кавказский албанский „этнос“»; К. Мурадян (Франция) «Обзор армянской этнографии „Азгагракан hандес“ (1895—1916)»; *В. Регионы, расположенные за пределами СССР* — О. Руа (Франция) «Понятие традиционного общества и политика умиротворения: Афганистан 1980—1988»; М. В. Крюков (СССР) «Традиционная социальная организация горных мон-кхмеров Вьетнама вчера и сегодня»; О. Ю. Артемова (СССР) «Традиционное общество аборигенов Австралии в советской антропологии»; Ж. Прэнье (Франция) «Советское видение эфиопской революции».

Коллоквиум явился заметным событием научной жизни. На нем состоялось открытое обсуждение в международной аудитории путей развития и современных проблем советской этнографии. Специфическую направленность придало этой встрече участие в ней ряда исследователей, сформировавшихся в рамках советской науки и внесших ощутимый вклад в ее развитие, но затем волею судеб продолживших свою научную деятельность за рубежом: В. И. Плоткина, Н. Н. Садомской, П. Скальника (уроженца Чехословакии, проходившего стажировку в СССР), А. М. Хазанова, Б. П. Шишло, а также Л. Блэк, русской по происхождению и хорошо знающей советскую этнографию. Их суждения, в которых они стремились свести воедино и «взгляд изнутри», и «взгляд со стороны», представляют для нас немалый интерес. Ни советские, ни зарубежные ученые не обходили вниманием острые, наболевшие вопросы, и обсуждение не было ни легким, ни гладким. Не всегда было оно и вполне беспристрастным. Поэтому представляется важным как можно более точно и объективно осветить развернувшиеся на нем дискуссии, воздерживаясь от окончательных суждений, чтобы читатели могли делать собственные выводы. В то же время, исходя из главной проблематики и принципов построения докладов, целесообразно подчинить изложение содержания работы коллоквиума несколько иной логике, чем та, по которой составлена программа заседаний.

Так, доклады К. В. Чистова и В. И. Васильева, хотя и были связаны с разными этническими образованиями и регионами, одинаково имели преимущественно историографический характер и отражали главные тенденции в истории развития исследовательских интересов советских этнографов. К. В. Чистов показал, что начавшийся в конце 1920-х годов ускоренный процесс урбанизации и ломки архаических традиций в русской деревне поставил этнографическое изучение русских перед необходимостью пересмотра целей, предмета, структуры исследований. После длительного периода дискуссий и поисков во второй половине 1950-х— начале 1960-х годов сложилась ситуация, для которой характерно сочетание исторической этнографии и этнографии современности: изучение этногенеза, этнической и этнокультурной истории восточных славян и русских велось и ведется параллельно с этнографическим изучением современного города и села, изучение архаических форм социальной организации духовной культуры и быта — параллельно с изучением функционирования этнических традиций в современности, а также путей модернизации фольклора и народного искусства и т. д. Кроме того, в докладе были отражены исследовательские и издательские планы на будущее.

В. И. Васильев показал, что изучение коренного населения Северо-Западной Сибири, базирующееся на комплексном использовании материалов полевой этнографии, археологии, физической антропологии, лингвогеографии, велось по трем основным направлениям: этногенез и этническая история, социальная структура и социальная история, культурогенез и формирование хозяйственно-культурных типов. Вместе с тем он стремился отразить и практическое, прикладное значение полевой работы советских этнографов.

Доклад Г. Е. Маркова, напротив, был сконцентрирован не на историографии, а непосредственно на освещении основных этносоциальных и этнокультурных процессов, происходивших в Средней Азии в советское время, а также на проблеме трансформации и сохранности этнических традиций в этом регионе. И вопросы по докладу были связаны главным образом с конкретными событиями политической, социальной и этнической истории народов Средней Азии. Исключением был только один из вопросов, вошедший в русло обсуждения роли оценочных категорий в этнографии (о чем речь пойдет ниже).

В ином ключе построил свой доклад И. И. Крупник. В центре его внимания были существенные расхождения в научных традициях советской и западных школ, рассмотренные на примере изучения малых арктических народов, в первую очередь их современного состояния. Такая направленность сблизила этот доклад с рядом докладов, отнесенных в общетеоретический раздел. Особое внимание докладчик уделил отсутствию в советской традиции двух тем, фундаментальных для западной школы изучения аккультурации: анализа разных половозрастных и социальных слоев аборигенных обществ и степени их участия в процессе модернизации; и исследования широкой сферы стресса, агрессии и конфликта, возникающей при взаимодействии аборигенной и интродуцированной внешней культуры. В советской традиции научного описания современное северное общество представало единым, бесстрессовым и бесконфликтным. Это, а также значительные различия в терминологии и категориальном аппарате делали вплоть до самого последнего времени советские и западные публикации, полевые материалы трудно сопоставимыми. Положение стало меняться с середины 80-х годов. Но процесс сближения только начался, и в советской школе изучения модернизации у народов Севера отчетливо различаются традиционные, хорошо разработанные темы, только зарождающиеся новые направления и «пустые клетки» на месте многих фундаментальных для западной антропологии исследований.

В некоторых пунктах близким к этому выступлению был доклад Л. Блэк, признавшей существенность вклада русских этнографов в изучение коренного населения Аляски, а также плодотворность развивающегося в последние годы советско-американского сотрудничества в изучении малых арктических народов, но вместе с тем выразившей сожаление по поводу целого ряда обстоятельств, осложняющих это сотрудничество. Среди них назовем непонятность для современных американских исследователей значительной части общих концептуальных категорий, которыми оперируют советские этнографы и которые в основе своей восходят к эволюционизму XIX в. и давно вышли из употребления в западной литературе; отсутствие в советской этнографии ряда субдисциплин, давно разрабатывающихся в американской, в частности микроэтноистории (подробного, вплоть до изучения индивидуальных биографий исследования судеб отдельных мелких локальных групп); почти полное отсутствие в советской сибиреведческой литературе анализа и даже просто научных описаний систем терминов родства, отвечающих по качеству требованиям современной антропологии. С особым огорчением говорила Л. Блэк об отсутствии публикаций и недоступности для иност-

ранных ученых архивных материалов, в частности старинных русских картографических источников по Аляске, чрезвычайно необходимых не только антропологам, но и другим специалистам.

К историографическому разделу тяготел и доклад В. Р. К а б о, который подверг критическому разбору некоторые имевшиеся или еще имеющиеся в советской этнографии общетеоретические представления о стадиальной атрибуции и об этапах эволюции социальной структуры традиционных обществ, именуемых первобытными. Он стремился показать, что ряд современных публикаций, и в частности второй том трехтомной коллективной монографии Института этнографии АН СССР «История первобытного общества», особенно его глава «Возникновение первобытной родовой общины», в основных своих положениях мало чем отличаются от теоретических построений 1930-х — начала 1950-х годов. Концептуальные решения остались на том же уровне, изменилась и модернизировалась преимущественно терминология. С некоторыми коррективами воспроизводится догматическая схема, согласно которой человечество якобы прошло через универсальные стадии «первобытного стада» и промискуитета, затем группового брака, матриархата и патриархата. Правда, теперь два последних термина заменены терминами «эпоха материнского рода» и «эпоха отцовского рода». Для обоснования этой схемы по-прежнему широко используется так называемый метод пережитков, когда отдельные обычаи современных народов, живущих в различных частях земного шара и достигших разных ступеней социальной эволюции, проецируются в глубокое прошлое, в эпоху неандертальцев или даже архантропов. Незыблемым остается представление об универсальности родовой организации, и род, как и двадцать и тридцать лет назад, отождествляется с общиной. А все этнографические факты, которые не укладываются в эту схему, приписываются действию каких-то чуждых, деформирующих сил. Схема эта преподается и студентам во всех вузах страны. В качестве примера был упомянут учебник «Докапиталистические способы производства и их современные формы», изданный Московским университетом в 1986 г. (автор Ю. М. Рачинский) и рекомендованный для преподавателей высшей школы, научных работников, аспирантов и студентов. В нем, в частности, сохранена концепция матриархата в той трактовке, что существовала во времена сталинизма.

Вместе с тем в докладе были отмечены и некоторые сдвиги в изучении истории первобытного общества: новые подходы к проблеме первобытного коллективизма (исследование первобытной социальной неоднородности), более глубокий анализ общественного сознания первобытной эпохи, обращение к проблемам экологии и т. п.

В одном из комментариев по докладу выражалось удовлетворение, что советские ученые перестали быть монолитным единством и выступают как представители различных позиций. А в другом — А. И. Першица — отмечалось, что хотя плюрализм мнений среди ученых — явление безусловно положительное, он должен сочетаться с корректностью и точностью при характеристике ситуации в науке, в докладе же это требование оказалось нарушенным. Выхваченные из контекста цитаты из второго тома трехтомника «История первобытного общества» и учебник для экономистов, написанный неспециалистами, не могут отражать положения в современной этнографии в целом. Есть всесоюзный учебник «История первобытного общества», написанный специалистами, в котором однозначно говорится, что многие прежние понятия, в частности «матриархат», давно устарели. Недопустимо отождествлять матриархат с материнским родом, патриархат — с отцовским. Необъективно говорить о современном состоянии изучения истории первобытного общества, не упоминая этого учебника, да и целого ряда других публикаций. На это В. Р. Кабо возразил, что основной задачей доклада было показать, что в целом концептуальная схема и методологический аппарат истории первобытного общества остаются прежними. Примеры же из учебника для экономистов были приведены потому, что студентов-экономистов тысячи, а этнографов значительно меньше. Такие учебники, использующиеся широкими категориями учащихся, создают ситуацию, препятствующую проникновению новых идей.

В некоторых пунктах к теме этой дискуссии приближался доклад О. Ю. А р т е м о в о й. Она стремилась показать, что история изучения традиционного общества аборигенов Австралии отражает некоторые весьма существенные тенденции развития в советской этнографии общей теории эволюции ранних форм социальных отношений. Особое внимание было уделено короткому, но очень плодотворному периоду второй половины 20-х и самого начала 30-х годов, отмеченному выходом ряда выдающихся исследований, которые создавались с учетом всех новейших достижений западной науки. Последствия наступившего в 1930-е годы регресса в области теоретической мысли и разрыва с западной наукой с трудом преодолевались в 60—70-е годы и дают о себе знать до сих пор. Несмотря на отказ от догматизма прежних лет сохраняется все же определенная несогласованность между общими теоретическими установками и этнографическими, в том числе австралийскими, фактами. В пример было приведено представление о роде как об универсальном единообразном институте первобытности, которое плохо сочетается с многообразием разнофункциональных родственных объединений и австралийцев, и других традиционных обществ. Отвечая на возникший в связи с этим вопрос В. Плоткина, можно ли ожидать, что советская этнография откажется от «идеологически заряженного» понятия род, докладчица назвала две возможности: либо углубление содержания этого понятия, либо замена представления о стадиальной универсальности рода представлением о родстве как об универсальном стадиальном принципе, структурирующем различные по форме и по функциям корпоративные группировки. Именно такое решение напрашивается по африканистическим работам ленинградских исследователей Н. А. Гиренко и В. А. Попова и кажется ей самой предпочтительным.

В открывшем концептуальный раздел коллоквиума докладе Ю. В. Б р о м л е я и А. И. П е р ш и ц а, представленном А. И. Першицем, отмечалось, что отказ от вульгаризированного представления, будто чуть ли не каждое общество в своем спонтанном развитии проходит все формационные стадии, имеет большое значение для понимания развития традиционных обществ. Отставшие

общества, получая стимулы извне, как бы подтягиваются к тем, которые опередили их в своем историческом развитии. Отсюда два основных пути исторического развития традиционных обществ — преимущественно спонтанное и преимущественно стимулированное. Первый путь неизбежно вел к исторической отсталости или даже в «исторический тупик», а второй путь, при котором подчас происходил недостаточно подготовленный их прежней эволюцией «прыжок» традиционных обществ через одну-две формационные ступени, чреват далеко не однозначными результатами.

Этот доклад вызвал оживленную дискуссию, показавшую некоторые принципиальные расхождения во взглядах. В частности, К. Теди и Б. Шишло (Франция) указали на то, что процессы, названные в докладе стимулированным развитием, были тесно сопряжены с жестоким колониальным притеснением малых народов со стороны индустриальных держав, и поэтому такое развитие вряд ли можно считать прогрессом. Б. Шишло отметил также, что концепция, выдвинутая в докладе, ставит под сомнение то изложение советской истории, которое давалось раньше. Высказывались также возражения против употребления термина «традиционные общества» как созвучного термину «примитивные общества», т. е. имеющего оценочное звучание, а кроме того, не слишком ясного и адекватного, ведь и в современных индустриальных обществах велика сила традиций. А. И. Першиц, отвечая оппонентам, подчеркнул, что авторы доклада отнюдь не пытались обойти, а, напротив, акцентировали тот факт, что за прогресс, за приобщение к цивилизации многие народы заплатили дорогой ценой и исторический процесс в целом всегда был кровавым процессом. Что же касается нашей недавней истории, то многое теперь в ней переоценивается, в значительной своей части она будет писаться заново. Он также выразил несогласие с критикой термина «традиционные общества», считая, что поскольку все докапиталистические общества действительно отличались большей приверженностью традициям, чем индустриальные, постольку этот термин и достаточно точен, и ни для кого не обиден.

Ю. И. Семенов в своем докладе тоже уделил значительное внимание понятию «традиционные общества», под которым он объединил все докапиталистические общества, включающие общества первобытные, предклассовые, политарные (основанные на азиатском способе производства), рабовладельческие и феодальные. Традиционные общества политарного и рабовладельческого типа, по мысли докладчика, характеризуются такими способами развития производительных сил, которые неизбежно заводят в тупик. Все дожившие до сравнительно недавнего времени традиционные общества — первобытные, политарные и феодальные — были стагнирующими.

Дискуссия по этому докладу в основном была связана с теми же разногласиями, которые обнаружились в предыдущей дискуссии и к которым участники коллоквиума возвращались неоднократно. В частности, была поставлена под сомнение научная корректность таких понятий, как «исторический тупик» или «тупиковый путь развития».

Различиям между советским и западным пониманием хода и сущности исторического процесса был посвящен доклад Э. Геллнера. Суть его заключалась в следующем. Советская — марксистская — модель социального развития исходит из прямолинейного движения от низших к высшим стадиям, в котором человечество проходит пять формационных ступеней. Большинство западных исследователей опираются на совсем иную модель, восходящую к теории Макса Вебера. Существуют три типа обществ — доземледельческие, доиндустриальные и индустриальные. Превращение обществ одного типа в общества другого типа происходит не вследствие закономерного развития, как думают марксисты, а в результате «случайных прорывов», и поэтому нет никакого единого пути развития и единого его конечного результата. В рамках этой концепции нет места такому понятию, как «спонтанное развитие». И если в глазах советских исследователей все первобытные общества весьма схожи, то в глазах западных исследователей все, скажем, доиндустриальные общества очень различны.

В дискуссии по докладу Э. Геллнера Г. Е. Марков выразил несогласие с противопоставлением марксизма западной науке. Марксизм возник на Западе, существует там и теперь. Нужно противопоставлять марксизм творческий марксизму догматическому. В. Плоткин отметил, что в трудах Маркса нет обоснования пятичленной формационной модели. Она сложилась на русской почве, где марксизм приобрел теологический мессианский налет — веру в конечное торжество справедливого социального устройства. По замечанию К. Теди, разница между советской и западной точками зрения в том, что одна оптимистична, а другая пессимистична. Первая не учитывает всей сложности и всего многообразия действительности, но зато оставляет за человеком возможность выбора своего пути в будущее, вторая учитывает сложный комплекс факторов, но не оставляет возможности выбора. В ответ Э. Геллнер возразил, что западная модель не пессимистична, а нейтральна.

Содержание некоторых докладов зарубежных коллег выходило за пределы темы коллоквиума, так как они пытались не только охарактеризовать изучение традиционных обществ в советской этнографии, но и определить специфику нашей науки, понять ее отличия от западной антропологии, выделить моменты, сближающие и разобщающие, мешающие взаимопониманию и налаживанию плодотворных контактов. А один из докладчиков, В. И. Плоткин, стремился подойти к делу еще шире и рассмотреть под этим углом зрения не только этнографическую науку, но и русскую и советскую интеллектуальную традицию в целом. По его мысли, концептуальные различия между советской и западной антропологией гораздо глубже, чем различия между марксистским и немарксистским мировоззрением. Различия эти коренятся в принципиально отличных традициях мышления, которые в свою очередь обусловлены глубоко различными путями социального развития. Для русской интеллектуальной традиции издавна характерен крайний дуализм, полярность культурных ценностей, а также слияние гуманитарного знания и идеологии, которая не признает ни этически нейтрального поведения, ни этически нейтральных событий социальной жизни и которая всегда была пронизана духом эсхатологии и мессианства. Такая интеллектуальная традиция, в которой нет места для этически нейтральной зоны (а именно в этой зоне обычно накапливается потенциал

для позитивного развития) и в которой изменения сплошь и рядом принимают форму смены полярности культурных ценностей (то, что раньше считалось положительным, начинает расцениваться как отрицательное и наоборот), представляет весьма благоприятную основу для складывания ортодоксий. Лучший пример — метаморфозы, происшедшие с марксизмом на русской почве: превращение его в сталинскую ортодоксию, которая на целых 20 лет полностью задавила свою потенциальную соперницу — теоретическую этнографию. Но даже и после преодоления сталинского догматизма, даже и с началом перестройки, даже и наиболее критически мыслящие советские ученые не анализировали влияние традиции мышления на формирование современных научных теорий. Только антропологам по силам провести такую работу, а затем и нарушить привычную практику соединения теории с идеологией и создания ортодоксальных доктрин с научным, политическим и этическим содержанием одновременно. Без критической самооценки со стороны советских исследователей и без ломки охарактеризованной традиции диалог между советской и западной наукой останется лишь на нынешнем поверхностном уровне.

За этим докладом последовало немало скептических вопросов и критических откликов. Так, Р. Шатцман (Франция) и Л. Блэк настаивали на том, что русская интеллектуальная культура не более, а может быть, даже менее дуалистична, чем западная. Например, сказала Л. Блэк, для русской религиозной мысли, в отличие от западной, не характерно резкое противопоставление души и тела. Вместе с тем она признала большую роль эсхатологии и мессианства в развитии русской мысли и возможное влияние этой традиции на русский марксизм. А. Берелович (Франция) заметил, что дуализм — мышление оппозициями, который в пору увлечения структурализмом анализировался Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским в известной и не раз цитировавшейся докладчиком статье о русской культуре, это нечто совсем иное, чем дуализм, о котором шла речь в докладе. Дуализм в структуралистском понимании универсален. Да и вообще попытки определить сущность русской мысли — это как раз в духе той интеллигентской традиции, от которой нужно избавляться и которую не нужно повторять. К. В. Чистов выразил полное согласие с последним высказыванием. В нашей стране, добавил он, интеллектуальная жизнь развивается так интенсивно, что каждое слово, сказанное сегодня о вчерашнем дне, может быть устаревшим. Чтобы сближение между советскими и западными антропологами развивалось естественным путем, нужно отказаться от привычки смотреть друг на друга в телескоп и через железный занавес. Тогда не будет противопоставлений типа Восток — Запад. Сомнительно, чтобы западная этнология была единой. Зачем создавать недифференцированный имидж, он не годится ни для зарубежных, ни для советских ученых. И нужно помнить, что научная традиция у нас не прерывалась даже в самые жестокие времена и наряду с людьми сервильными были честные ученые, которые делали все, что могли, чтобы наука не угасла. Еще большие возражения вызывает противопоставление Востока и Запада, когда оно распространяется на всю русскую историю. Разговоры о «загадочной русской душе» совершенно бесплодны. Чтобы понимать друг друга, нужно признать русскую культуру европейской, в противном случае Толстой, Достоевский, русские модернисты не могли бы оказать столь большого влияния на развитие европейского искусства. Мы должны, как говорил М. С. Горбачев, создавать новый стереотип: все мы живем в одном Доме.

В поддержку В. Плоткина высказался Б. Шишло. По его словам, в выступлении К. В. Чистова проявилось совсем иное понимание дуализма, чем у докладчика. Как в свое время Пропп истолковал примененное Леви-Строссом к его научному методу определение «формализм» в сугубо отрицательном смысле, хотя для Леви-Стросса оно звучало нейтрально, так и К. В. Чистов счел, что «дуализм» в применении к русской культурной традиции звучит уничижительно, и тем самым подтвердил главную мысль В. Плоткина: единства и должного взаимопонимания между Востоком и Западом нет, его нужно создавать. Есть реальная проблема, и не следует закрывать на нее глаза. В своем собственном докладе Б. Шишло говорил о консерватизме советской этнографии, который сохраняется и в эпоху перестройки, когда радикальные перемены сделали неузнаваемыми многие области советской культуры и даже такие науки, как история и социология. Правда, признал докладчик, два события — беспрецедентная критическая статья М. В. Крюкова в журнале «Советская этнография» (№ 1 за 1988 г.) и молодежный номер журнала (№ 5 за 1988 г.) — свидетельствуют о том, что и этнография начала менять свое лицо. Две главные беды этой науки в Советском Союзе он видит в описательном характере дисциплины (он отражается даже в названии — «этнография», возобладавшем в 1920-е годы над термином «этнология») и в добровольном отказе обрести независимость от истории, вследствие чего чрезвычайно по сравнению с западной антропологией сужено поле ее исследований. Плохую службу сослужило советской этнографии и представление о том, что наличие единой «советской этнографической школы» составляет ее силу перед «разнобоем, царящим на Западе». Признание того, что в сложной и внутренне противоречивой системе, какой является человечество, заложены различные, в том числе и немарксистские, способы познания, было бы проявлением подлинной перестройки в советской этнографии. В заключение было высказано пожелание, чтобы советская этнография как можно скорее стала советской антропологией с подобающим ей широким полем исследований и высоким общественным статусом, при котором антропологи будут признаны необходимыми экспертами в разнообразных насущных вопросах социально-политической жизни, будут, как на Западе, входить в правительственные органы, направлять деятельность специальных правительственных комиссий подобно тому, как во Франции в 1989 г. антрополог-африканист Франсуаза Эритье-Оже возглавила сформированный правительством Национальный совет по СПИДу.

Неоднократно, как уже говорилось, поднималась в ходе коллоквиума проблема соотношения аксиологии и антропологии. По убеждению большинства западных исследователей, о чем говорили Л. Блэк, Э. Геллнер, В. И. Плоткин, Т. Драгадзе, Н. Н. Садомская, введение этических оценок, и в частности деление традиций на положительные и отрицательные, противопоказано научному

анализу. Иначе невозможно отделить науку от идеологии, которая сковывает исследователя и делает неизбежными некорректные этноцентрические суждения. Советская антропология, по мнению названных ученых, остро нуждается в выработке «ненормативного языка». Постоянно встречающиеся в советской научной литературе термины типа «достижения», «расцвет», «упадок» и т. п. чрезвычайно затрудняют взаимопонимание между советскими и западными учеными. Антропологии необходимо иметь объективные научные категории и оперировать исключительно ими. По убеждению ряда советских этнографов (оно отстаивалось Г. Е. Марковым и А. И. Першицем), выработка аксиологических подходов к этническим традициям (с точки зрения их непосредственной пользы или вреда для людей, с общечеловеческой точки зрения, с точки зрения формационной теории исторического процесса и прогресса морали) — необходимая и органическая часть антропологии.

Подробно обсуждалась на коллоквиуме советская теория этноса. Т. Драгадзе в своем докладе, в частности, отметила, что хотя советская академическая теория этноса до недавнего времени носила по преимуществу схоластический характер и завуалированными средствами подстраивалась под государственную национальную политику, она все же способствовала прогрессу теоретической мысли. Само понятие «этнос» имеет внеклассовый характер, плохо сочетается с негибкой и сковывающей научный поиск пятичленной формационной схемой исторического процесса, а потому как бы исподволь эту схему расшатывает и уж по крайней мере позволяет преодолевать ее тормозящее действие. Один из главных изъянов советских теоретических работ по этносу докладчица видит в том, что в отличие от британских они вплоть до самых последних лет почти не рассматривали проблемы национализма и межнациональных конфликтов. Сейчас эти проблемы стали достоянием гласности, правда, чаще они поднимаются неспециалистами, но и академическая этнография начинает их обсуждение. Перемены последних лет позволяют надеяться, что может быть создана почва для сближения британской и советской моделей этничности и для плодотворного диалога.

Ж. Кюизанье сосредоточил внимание на существенных несоответствиях теоретических представлений об этносе и этнических процессах эмпирическим данным, собранным в 1976—1981 гг. в ходе широких сравнительных обследований, которые были организованы Венским центром под названием «Основные направления и тенденции культурного развития в современных обществах. Взаимодействие национальных культур» и в которых наряду с учеными из СССР принимали участие специалисты из Греции, Италии, Польши, Румынии и Франции.

В русло этой тематики влился и доклад М. В. Крюкова, основанный на наблюдениях, полученных в ходе советско-вьетнамских исследований среди горных мон-кхмеров Южного Вьетнама. Нарисованная им картина — социальная структура, хозяйственная жизнь, языковая ситуация, система родственных отношений и их терминологическое оформление, характер группового самосознания и самоидентификации индивида — также показала, как тесны рамки господствовавших до последнего времени в нашей науке общетеоретических представлений о типах этнических общностей, их иерархии и самом понятии этноса. Картина эта во многих своих чертах вписывается в концепцию «этнической непрерывности», которая в ходе обсуждения доклада была признана рядом выступавших (Л. Блэк, Б. Шишло, П. Витебский) весьма плодотворной и достаточно адекватно определяющей не только ситуацию в горных областях Южного Вьетнама, но и в немалом числе других регионов, в частности сибирских. Поддержку получила также мысль докладчика о том, что явление «этнической непрерывности» теснейшим образом связано с распространением определенных типов систем родства, в терминологии которых феномен «непрерывности» или «переходности» между отдельными этническими образованиями прослеживается особенно наглядно.

На стыке обсуждения теории этноса, проблем статуса и роли советских этнографов в политической, социальной и культурной жизни страны были доклады П. Скальника и А. Хазанова, отличавшиеся сугубо критической направленностью. По мнению первого, теория этноса, предложенная и развивающаяся Ю. В. Бромлеем в конце 60-х и в 70-е годы, опирается на некоторые положения, выдвинутые выдающимся русским этнологом С. М. Широкогоровым, и вместе с тем на сталинскую теорию наций, включая также отдельные элементы популярных тогда биологических и психологических концепций. Далекая от действительности, она имела главной своей целью поднять статус этнографической науки и ее руководителя в глазах партии и правительства и полностью оставляла все решения по национальному вопросу в сфере компетенции политиков. Такая теория вполне устраивала правительственные круги, а советская этнография в целом продолжала оставаться подсобной дисциплиной и служить злободневным пропагандистским целям, к примеру — поставлять аргументы в пользу политической доктрины об образовании суперэтнической общности «советский народ». В результате, занимаясь вместо углубленных исследований национальных процессов балансированием между наукой, политикой и идеологией, советская этнография оказалась совершенно неподготовленной, когда в стране со всей остротой встали труднейшие проблемы национальных отношений.

Выступая в дискуссии по этому докладу, Т. Драгадзе внесла ряд существенных поправок. Она, в частности, заметила, что Ю. В. Бромлей в 60-е годы не был ни первым, ни единственным, кто занимался созданием теории этноса. Еще до него о понятии этноса и этнических процессах писали С. А. Токарев, В. И. Козлов и др. исследователи. Отсюда видно, что разработка такой теории назрела в самой этнографической науке, а отнюдь не диктовалась исключительно конъюнктурными соображениями. Да и теория Бромлея не навязывалась советской этнографии в качестве официального общеобязательного кредо. Тогда велись широкие дискуссии. М. В. Крюков также выразил несогласие с тем, что созданная в конце 60-х — в 70-е годы теория этноса это лишь попытка приспособить науку для нужд официальной идеологии. Ведь сам докладчик говорил, что на нее повлияли идеи Широкогорова. Главная беда в том, что разрабатывавшееся им направление было прервано надолго в нашей науке и восстанавливалось в послевоенное время с большими муками. Элементы сталиниз-

ма, конечно, есть в современной теории этноса, есть и политические плевелы, но нужно уметь видеть и сугубо научную основу.

Вслед за П. Скальником А. М. Хазанов стремился продемонстрировать, что, несмотря на провозглашение в Советском Союзе этнографии наукой об «этносе» и на уделение в течение многих лет особого внимания изучению современных этнических процессов, советские этнографы не смогли адекватно описать и оценить этническую ситуацию в стране. Скорее это их беда, чем их вина, но нельзя не сознавать, что хотя официальная концепция этнических отношений в СССР исходила не из этнографических, а из политических кругов, многие этнографы отдавали немало времени и усилий ее обоснованию, а факты, ей противоречащие, отражались в этнографической печати лишь изредка и обычно эзоповым языком. Даже сейчас, в период гласности, считает докладчик, этническая ситуация в СССР гораздо смелее обсуждается общественностью, чем большинством специалистов. Не связано ли такое положение с нежеланием некоторых представителей «советского этнографического истеблишмента» признать старые грехи и новые реальности, спрашивает он и в заключение признает, что в самое последнее время наметились определенные сдвиги к лучшему, о чем свидетельствуют выступления ряда молодых ученых, которые не боятся поднимать и наиболее острые в политическом отношении вопросы.

В унисон с высказываниями о том, что основная беда советской этнографии — ее низкий политический статус и подчиненность государственной идеологии, делавшие вплоть до недавнего времени невозможными ни углубленное изучение наиболее сложных конфликтных сторон жизни народов СССР, ни влияние ученых на национальную политику властей в целях предупреждения или прекращения ее отрицательных последствий,— прозвучал доклад П. Витебского. В нем были представлены результаты недавних полевых наблюдений автора у эвенков Якутии. Целый ряд чрезвычайно трудных проблем их современного социально-экономического положения, и в частности упадок оленеводческого хозяйства, он связал с состоянием глубокой психологической неудовлетворенности людей, наступившей вследствие резкого нарушения их традиционной социальной структуры и, главное, семейной жизни.

Несколько участников коллоквиума, в частности Т. Драгадзе, указывали на необходимость дифференцированно оценивать работу советских исследователей и в прошлом и в настоящем, принимать во внимание, что советские этнографы очень различаются и по своим личностным качествам, и по убеждениям, и по творческим установкам.

Н. Н. Садомская с большой теплотой и знанием дела говорила о целой плеяде советских этнографов — в их числе были названы Н. П. Лобачева, Л. Ф. Моногарова, Б. Х. Кармышева, А. В. Смоляк и др.,— которые посвятили себя многолетнему и порой очень самоотверженному труду по изучению быстро исчезающих старинных традиций различных народов СССР. Эти люди спешили сделать то, что последующим поколениям будет уже недоступно. Они с уважением относились к древней культуре изучаемых народов и испытывали сожаления о том, что эта культура уходит, порой оставляя за собой пустоту. Иначе оценивает Садомская ту работу советских этнографов, которая явилась откликом на призыв властей к изживанию так называемых вредных обычаев и обрядов и замене их новым ритуализмом, отвечающим запросам социалистического строительства. Созданную по такому «политическому заказу» сугубо искусственную, лишенную подлинной функциональности и плохо приживающуюся, несмотря на пропагандирование и финансирование, обрядность, докладчица противопоставила спонтанному и безусловно функциональному ритуализму новых неформальных объединений подростков и молодых людей, не поддерживаемых ни властями, ни даже собственными родителями. В докладе использовались материалы высоко оцененной и многими другими зарубежными участниками коллоквиума статьи Т. Б. Щепанской «Процессы ритуализации в молодежной субкультуре» (СЭ. 1988. № 5).

В ходе одной из дискуссий Т. Драгадзе привлекла внимание к тому, что этнографическая наука в СССР представлена не только московской и ленинградской частями Института этнографии АН СССР, деятельность которых обсуждается на коллоквиуме преимущественно, а и многочисленными этнографами, работающими в провинции. И их отношения с властями складываются куда более драматично, они испытывают гораздо более сильный контроль и давление.

Этнографам, работающим в периферийных научных учреждениях, было уделено значительное внимание в докладе Ф. Лонге-Маркс, имеющей опыт экспедиционной работы в Дагестане. Она, в частности, рассказывала о том, как проводятся полевые исследования, подчеркнув, что в отличие от западных антропологов советские очень часто едут в поле на гораздо более короткие сроки и не по-одному или по-двое, а целыми экспедиционными отрядами, располагаясь обособленно от местных жителей. И в том и в другом она видит существенные минусы, в частности невозможность «включенного наблюдения», дающего столь богатые результаты. Во многих случаях этнографы, работая в поле, помимо исследовательских задач выполняют еще и функции политико-идеологические, пропагандистские — «играют роль как бы приводного ремня власти», ведя среди местных жителей работу информационно-пропагандистского характера. В условиях политики перестройки многое в советской этнографии станет меняться, очевидно, изменятся и методы полевой работы, и понятийно-терминологический аппарат, и статус этнографа. Нарастающая напряженность в национальном вопросе будет все больше и больше втягивать этнографов в орбиту политических проблем. А это связано с огромной ответственностью. Если интересы государства и собственного народа вступят в конфликт, чью сторону примут этнографы? Последние публикации, заключает докладчица, показывают, что в СССР есть специалисты, способные подойти к подобным проблемам объективно, смотреть реальности в глаза и отстаивать свои убеждения.

Несколько наших иностранных коллег говорили о политической и идеологической тенденциозности, которую порой обнаруживают в СССР и исследования по таким, казалось бы, далеким от текущей жизни темам, как этногенез или древняя этническая история. Ж. Карро, например,

стремился показать, что якутские этнографы, восстанавливая генезис своего народа, пытаются истолковывать свидетельства источников в пользу именно таких гипотез, которые им представляются наилучшим образом отвечающими потребностям современного национально-культурного развития якутов, способствующими повышению их национального статуса, их «этническому самоутверждению».

Н. Дадвик, проведшая 9 месяцев в Армении и заставшая начало событий в Нагорном Карабахе, говорила о том, как азербайджанские и армянские историки и этнографы, занимаясь проблемами древней этнической истории Закавказья, порой пытаются находить аргументы, подкрепляющие позиции своих наций в современном национально-территориальном конфликте, подчас работая на весьма низком профессиональном уровне и иногда даже допуская фальсификации или «этногенетическое мифотворчество». В качестве примера были проанализированы споры об этническом составе Кавказской Албании I—VIII вв.

Сразу же за этим выступлением следовал доклад Ф. Мамедовой, отстаивавшей мнение, что в Кавказской Албании I—VIII вв. при этнической пестроте имелся один доминирующий этнос — албанцы, впоследствии деэтнизированный. В докладе критиковалась точка зрения, согласно которой особого албанского этноса не существовало, а албанами в древних источниках именовалось доминирующее армянское население.

Дискуссия по этим докладам развивалась в двух направлениях: во-первых, обсуждались сугубо специальные исторические вопросы, во-вторых, в частности К. В. Чистовым, говорилось о моральной ответственности этнографов и историков перед своим и другими народами, о недопустимости их участия в создании «этнических мифологий» националистического толка и о недопустимости привлечения «исторических» аргументов для оправдания современных территориальных притязаний или разрешения современных межнациональных конфликтов. Выступая в этой дискуссии, И. И. Крупник отметил, что резкое возрастание социальной значимости споров по поводу, казалось бы, чисто академических проблем этногенеза и этнической истории характерно не только для ситуации с Кавказской Албанией. Борьба за «албанское наследство», кстати, ведется не только между армянскими и азербайджанскими, но и между грузинскими и азербайджанскими учеными. Неожиданную современную политическую подоплеку получают и споры об этногенезе абхазов между абхазскими и грузинскими историками, проблема «булгарского наследия» в Поволжье. Вспомним также идею об «исконности» или «автохтонности» славянского населения в Крыму и «пришлости» крымских татар, которая имела чисто политическую основу. Особенность ситуации с Кавказской Албанией в том, что она оказалась в эпицентре вполне реального этнического конфликта. Слова «Арцах» и «Карабах» стали лозунгами многотысячных демонстраций, массовых политических движений. Дискуссии об этногенезе превратились в повод для национального возбуждения. Такое произошло впервые в истории советской науки, и ученые оказались к этому совершенно не готовыми. Поэтому опыт и анализ аналогичных зарубежных прецедентов имеет для нас огромное значение.

Не имея возможности остановиться на каждом прозвучавшем на коллоквиуме выступлении, упомянем еще одно, занявшее совсем особое место. Это доклад О. Руа, который по ряду косвенных данных пришел к выводу, что хотя во время войны в Афганистане академическая этнография не привлекалась для содействия советской армии, характер проведения ряда военных операций 1983—1984 гг. свидетельствует о наличии в ее командном составе или скорее в числе служивших в Афганистане сотрудников Комитета госбезопасности людей с высокой этнологической квалификацией, причем опиравшихся в своих рекомендациях не на советскую марксистскую этнографию, а на современные теоретические модели западной антропологии.

В заключительной дискуссии, подводившей итоги работы коллоквиума, выступали П. Скальник, А. М. Хазанов, Т. Драгадзе, Э. Геллнер, К. В. Чистов, А. И. Першиц, М. В. Крюков, М. Пийо и др.

В качестве одного из центральных в этой дискуссии вновь был поднят вопрос о моральной ответственности советских этнографов перед изучаемыми народами. Выступая по этому поводу, А. И. Першиц подчеркнул, что хотя советские этнографы действительно не сыграли надлежащей роли в выработке национальной политики, было бы неверно не видеть, как быстро возрастает эта роль теперь, в ходе перестройки. В Институте этнографии создан центр по изучению национальных проблем, в журнале «Советская этнография» все активнее обсуждаются национальные проблемы и их решения, этнографы начали включаться в состав правительственных комиссий и т. д. Это замечание было поддержано и развито К. В. Чистовым. Он сказал о том, что редкие номера журнала «Советская этнография» в настоящее время обходятся без дискуссий по межнациональным отношениям, и ведутся они серьезно и откровенно. Очень много делается Институтом этнографии в порядке подготовки к Пленуму ЦК КПСС по национальному вопросу. Да и в прежние времена этнографы не молчали и не бездействовали. Они писали многочисленные докладные записки по сложным национальным проблемам, в которых содержались и конкретные рекомендации, и предупреждения о возможных конфликтах, не их вина, что предупреждения и рекомендации эти не принимались во внимание.

И. И. Крупник говорил о необходимости иметь в виду ряд обстоятельств, названных им оппозициями, без учета которых нельзя составить адекватное представление о положении в советской этнографии. Во-первых, научное исследование не поспевает за текущей динамикой событий. Во-вторых, существует оппозиция между тем, что он назвал «воздухом науки», и официальными публикациями. И наконец, в-третьих, оппозиция между разворачиванием проектов исследований и обнародованием их результатов. К тому времени, когда результаты исследований доходят до печати, они уже перестают отражать реальную ситуацию. Если все это не принимать во внимание, несоответствия будут чрезмерными.

В заключающем выступлении М. Пийо, президент Французской антропологической ассоциации, высказал большое удовлетворение содержанием этой международной встречи и сказал, что размышления о путях развития советской антропологии, которыми поделились друг с другом ее участники, чрезвычайно его заинтересовали. Вместе с тем, отметил он, проблемы и трудности, с которыми сталкиваются советские исследователи, не представляются ему ни уникальными, ни специфически советскими. С такими проблемами и трудностями приходится иметь дело антропологам во всем мире. В каждой стране, и в том числе во Франции, есть вопросы, тесно связанные с государственной политикой и идеологией, есть темы, о которых трудно писать непредвзято и говорить открыто. Во Франции — такова проблема французского национального самосознания. Чтобы научиться преодолевать такие трудности, антропологи должны включить самих себя в поле своих исследований, и проведенный коллоквиум явился одним из шагов в этом направлении.

Заканчивая отчет об этой встрече, вместо обобщающего заключения приведу слова из выступления М. В. Крюкова, которые, как представляется, в сложившейся ситуации были найдены очень удачно: «Цель проведенного коллоквиума — способствовать поискам взаимодоступного языка и сближению позиций советских и зарубежных антропологов, и это сильно отличает данную встречу от многих прежних, в которых участники нередко стремились к углублению конфронтации и считали своим долгом во что бы то ни стало опровергать любую критику. Поэтому хотя со многим услышанным трудно согласиться и многое показалось нам не вполне справедливым, в современных условиях важнее прежде всего думать о том, с чем все-таки мы можем согласиться, а уж потом не спеша и обстоятельно начать разбираться в том, что нам не близко».

Следует также выразить признательность всем организаторам коллоквиума и в особенности ученому секретарю коллоквиума доктору В. Береловичу, на долю которого выпала значительная часть организационных забот.

О. Ю. Артемова

XIX НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

В мае 1988 г. в Москве в Институте востоковедения АН СССР состоялась очередная XIX научная конференция по изучению Австралии и Океании. В работе конференции приняли участие австраловеды и океанисты Москвы, Ленинграда, Киева, Воронежа, Владивостока, Курска, Новосибирска, Запорожья и других городов. С докладами выступили представители различных научных дисциплин: экономисты, политологи, историки, этнографы, археологи, литературоведы, лингвисты. К началу конференции как всегда были опубликованы расширенные (до 0,4 п. л.) тезисы докладов *.

Председатель конференции К. В. Малаховский (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) в своем вступительном слове подчеркнул, что события, происходящие ныне в Австралии и Океании, привлекают к себе все более пристальное внимание мировой общественности. Раздаются голоса (в частности, в Японии) о том, что наступает «тихоокеанская эра», которая заменит «эру стран Атлантического океана». В Австралии, Новой Зеландии и других странах происходят ныне важные экономические и политические процессы. В молодых государствах Океании развертывается борьба против неоколониализма. На островах и архипелагах, еще не добившихся политической независимости, вспыхивают восстания против колониального гнета. Тихий океан перестал быть тихим. Происходящие там бурные события требуют глубокого изучения и правильной оценки.

Значительная часть докладов на конференции была посвящена проблемам экономики, политики и истории стран Тихоокеанского региона. Проблемы экономики освещались в докладах В. Я. Архипова (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Австралия и АСЕАН: экономические отношения в первой половине 80-х годов»; М. М. Солодкина (Всесоюзный заочный финансово-экономический ин-т, Москва) — «200 лет развития капитализма в Австралии (опыт и уроки развития», М. А. Маковской (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Основные тенденции развития экономики Австралии»; К. Ю. Липовский (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва — «Некоторые проблемы морского торгового судоходства в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 80-е годы».

Современные политические проблемы независимых государств Океании были проанализированы в докладах О. В. Жаровой (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Основные этапы формирования партийно-политической системы Австралии» и А. В. Торкунова (Ин-т международных отношений, Москва) — «Новые тенденции в развитии обстановки в странах Океании и в их внешнеполитических связях».

---

* Девятнадцатая научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тез. докл. Часть I, стр. 3—124; Часть II, стр. 125—302. М., 1988. В настоящем сообщении упоминаются только те доклады, которые были прочитаны на конференции.